

Шарыпина Т. А. Специфика авторской модальности и репрезентация образа России в книге Клаудии Эрдхайм «Früher war alles besser»: австрийский взгляд / Т. А. Шарыпина, П. Д. Казакова, В. Н. Егорова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 331—345. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-331-345.

Sharypina, T. A., Kazakova, P. D., Egorova, V. N. (2022). Specificity of Author's Modality and Representation of Russia's Image in Claudia Erdheim's Book "Früher war alles besser": an Austrian View. *Nauchnyi dialog*, 11(2): 331-345. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-331-345. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-331-345

Специфика авторской модальности и репрезентация образа России в книге Клаудии Эрдхайм «Früher war alles besser»: австрийский взгляд

Шарыпина Татьяна Александровна
orcid.org/0000-0002-8585-8983
доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
зарубежной литературы
swawa@yandex.ru

Казакова Полина Дмитриевна
orcid.org/0000-0003-2243-8292
кандидат филологических наук, доцент
polina_iwliewa@mail.ru

Егорова Виктория Николаевна
orcid.org/0000-0003-4244-2969
преподаватель
viktoria-egorova@yandex.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

Specificity of Author's Modality and Representation of Russia's Image in Claudia Erdheim's Book "Früher war alles besser": an Austrian View

Tatiana A. Sharypina
orcid.org/0000-0002-8585-8983
Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department
of Foreign Literature
swawa@yandex.ru

Polina D. Kazakova
orcid.org/0000-0003-2243-8292
PhD in Philology, Associate Professor
polina_iwliewa@mail.ru

Victoria N. Egorova
orcid.org/0000-0003-4244-2969
Lecturer
viktoria-egorova@yandex.ru

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье на проблемном, стилистическом и лексическом уровнях изучается рецепция инокультурного (русского) кода европейским (австрийским) литературным сознанием. Выявлена основная тенденция, характерная для репрезентации образа России в книге Клаудии Эрдахайм: ретроспективный взгляд в «светлое прошлое». Подчеркивается, что символическую нагрузку имеет фраза-рефрен «Früher war alles besser», вынесенная в заглавие. Выполнен анализ пяти мини-историй. Уделяется внимание стереотипам русского массового сознания. Исследуются политические стереотипы, этические каноны в восприятии автора-рассказчика. Утверждается, что антиномия западного образа мышления и российского менталитета является превалярующим мотивом в изучаемом произведении. Доказывается, что проблема русско-австрийского культурного диалога реализуется сквозь призму основообразующих слагаемых австрийской ментальности *Einfühlung* (вчувствование) и *Gemütlichkeit* (уютность, спокойствие). В числе ментальных штампов рассказчика обнаруживаются стереотипные представления о русском характере («широкая душа», «русский размах», «русский авось», «тоска»). Книга К. Эрдахайм является ярким примером репрезентации «Другим» / «Чужим» представлений об «Ином» национальном характере и воссоздает в своей художественной системе образ русского народа.

Ключевые слова:

образ России; национальная идентичность; национальные стереотипы; языковая картина мира; межкультурная коммуникация; ментальность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The reception of a foreign cultural (Russian) code by the European (Austrian) literary consciousness on the problematic, stylistic and lexical levels are studied in the article. The main trend characteristic for the representation of the image of Russia in the book by Claudia Erdheim is revealed: a retrospective look into the “bright past”. It is emphasized that the refrain phrase “Früher war alles besser” in the title has a symbolic meaning. Five mini-stories were analyzed. Attention is paid to the stereotypes of the Russian mass consciousness. Political stereotypes, ethical canons are studied in the perception of the author-narrator. It is argued that the antinomy of the Western way of thinking and the Russian mentality is the prevailing motive in the work under study. It is proved that the problem of the Russian-Austrian cultural dialogue is realized through the prism of the fundamental components of the Austrian mentality *Einfühlung* (feeling) and *Gemütlichkeit* (comfort, tranquility). Among the mental clichés of the narrator, stereotyped ideas about the Russian character (“broad soul”, “Russian scope”, “Russian maybe”, “longing”) are found. The book by K. Erdheim is a vivid example of the representation of the “Other” / “Alien” ideas about the “Other” national character and recreates the image of the Russian people in its artistic system.

Key words:

the image of Russia; national identity; national stereotypes; language picture of the world; intercultural communication; mentality.

Специфика авторской модальности и репрезентация образа России в книге Клаудии Эрдхайм «Früher war alles besser»: австрийский взгляд

© Шарыпина Т. А., Казакова П. Д., Егорова В. Н., 2022

1. Введение = Introduction

Усложняющаяся день ото дня реальность провоцирует усиление личностного начала не только в коммуникативной практике простых носителей языка, но и в творческой практике мастеров художественного слова. Этот процесс ставит на повестку дня необходимость изучения активных процессов межкультурной коммуникации на материале текстов мировой литературы. Б. М. Гаспаров определяет коммуникативное пространство как «мысленно представляемую среду», «духовный ландшафт», который помогает с максимальной точностью интерпретировать смысл сообщения или высказывания [Гаспаров, 1996, с. 69]. Именно социокультурный, общественно политический контекст эпохи раскрывает и конкретизирует специфику и эволюцию авторского стиля, реализующую себя в характерных «сдвигах» этических норм и экспрессивности оценок описываемых событий [Ваулина, 2013, с. 7], что указывает на «человеческий фактор как важный экстралингвистический компонент языковых преобразований» [Ваулина и др., 2010, с. 13—21]. Речь идет о личностных особенностях автора, его эмоционально-этической сфере, аксиологических установках, сформированных жизненными обстоятельствами, местом и средой происхождения [Стратийчук, 2006]. В статье на проблемном, стилистическом и лексическом уровнях впервые в отечественном литературоведении анализируется рецепция инокультурного (русского) кода европейским (австрийским) литературным сознанием в книге рассказов о России К. Эрдхайм «Раньше всё было лучше» («Früher war alles besser»).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В настоящее время преимущественно в лингвистике детально разработана теоретическая база по изучению национальной картины мира на основе когнитивно-ориентированных лингвокультурологических исследований, а также теории и практики концептуального анализа. В литературоведении накоплен значительный фактический материал о национально-исторических кодах отдельных европейских литератур, имеющих принципиальную значимость для исследования слагаемых национального

менталитета и изучения европейской самоидентичности. Объектом рассмотрения в представленной статье являются пять миниисторий из книги Клаудии Эрдхайм («Коля», «Стомкомплекс», «Петербург», «Казань», «Осенние листья»), материал которых позволяет анализировать проблему формирования приоритетов и стереотипов русского массового сознания: политические стереотипы, этические каноны и т. д. — в восприятии автора-рассказчика, а также способы репрезентации образа России в языковом сознании писателя-австрийца.

Клаудия Эрдхайм — дочь психоаналитика Теи Геннер-Эрдхайм и политика Лоренца Геннера. Несомненно, домашняя атмосфера, связанная с нравственными, общественными, политическими воззрениями её родных и близких, оказала влияние на становление личности будущей писательницы, на формирование её этической системы, аксиологических установок. Первоисточник сюжетов и конфликтов её произведений, а также способов их воплощения, включая эволюцию и модификацию определенных изобразительно-выразительных средств или особенности изменения синтаксических конструкций, следует искать прежде всего в событиях её собственной жизни [Трофимова, 2004; Якимец, 1999]. Она изучала философию в университетах Вены, Мюнхена и Киля и в 1985 году получила степень доктора философии. Клаудия Эрдхайм работала в университетах Киля и Гамбурга и преподавала логику в Институте философии в Вене с 1984 по 2005 годы; там же она живет и трудится как писатель-фрилансер в настоящее время. В романах она обращается к психологическим проблемам, носящим отпечаток личностного опыта, а в поздних произведениях предметом изображения становятся картины жизни современного австрийского общества.

Для книг К. Эрдхайм характерен трезво описательный стиль, что вполне отвечает её профессиональной ориентированности, но иногда также встречается легкая ирония, самоирония, что является одним из отличительных кодов австрийской ментальности, менталитета как родовой памяти, основанной на синтезе природной и социальной памяти [Бех, 1997, с. 4]. Использование понятия «код» не случайно в контексте данной статьи, поскольку авторы опираются на употребление соответствующего термина И. К. Пантиным [Пантин, 1994, с. 29—33]. В этом аспекте под *ментальностью* понимается своеобразная память народа о прошлом, психологическая детерминанта поведения миллионов людей, верных своему исторически сложившемуся «коду» в любых обстоятельствах, не исключая катастрофические [Философская энциклопедия, 1970, с. 135], а также некое единство характера исторических задач и способов их решения, закрепившихся в народном сознании, в культурных стереотипах. Следует также

согласиться с П. Динцельбахером, отмечавшим, что «менталитет как историческую категорию проще описать, чем определить» [Dinzelbacher, 1993, S. X—XI].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Einfühlung («вчувствование») и Gemütlichkeit («уют, уютность, спокойствие») как основообразующие слагаемые австрийской ментальности

Книга К. Эрдахайм «Раньше всё было лучше» («Früher war alles besser») в полной мере представляет нам такие слагаемые австрийской ментальности, как Einfühlung («вчувствование») и Gemütlichkeit («уют, уютность, спокойствие»). Речь идет прежде всего об австрийской способности «вслушиваться», «вдумываться» в других. Невозможно в небольшой статье охватить многие слагаемые австрийской картины мира, однако названные свойства являются основополагающим для ментальности австрийца. «Вчувствование» (общительность, способность представить себя на месте другого, диалогичность) исторически является важнейшим позитивным слагаемым австрийской культуры. Широко известно, что Гуго фон Гофмансталь (Hofmannsthal H. von, 1874—1929) при сравнении прусского и австрийского менталитетов считал черту, связанную со способностью «вдумываться», «вслушиваться», а следовательно, и «вчувствоваться» в мысли другого («Hineindenken in andere bis zur Charakterlosigkeit») определяющей [Цит по: Gollner, 1999, с. 79]. Современная Австрия в её границах по-прежнему оценивается в контексте прошлой истории и национального многообразия. Современная «малая Австрия» (Klein-Österreich) до сих пор воспринимается европейской ментальностью как великая Австрийская империя (Gross-Österreich), давно исчезнувшая, но все еще продолжающая влиять на своеобразие австрийской ментальности и культуру народов Европы [Die Österreichisch-Ungarische Monarchie..., 1999, S. 24; Eichhorn, 2000, S. 104].

Обратим внимание ещё только на одно из слагаемых австрийской картины мира — Gemütlichkeit («уют, уютность, спокойствие»), находящее своеобразную репрезентацию в подтексте книги К. Эрдахайм. Трудно найти точный перевод этого слова на русский язык. Картина мира каждого народа уникальна и может весьма отличаться от картины мира даже пограничных, близких по языку, соседей. Русская ментальность напрямую сопряжена с такими представлениями, как «душа» («широкая душа»), «русский размах», «русский авось», «тоска», «судьба», «воля» [Российская ментальность..., 1994], что отчасти находит отражение в книге австрийского автора. Как известно, для жителей Германии, немцев, центральными в картине мира сохраняются такие слагаемые менталитета, как порядок (Ordnung),

чистота (Sauberkeit), дисциплина (Disziplin), прилежность (Fleiß), бережливость (Sparsamkeit), законопослушность (Gesetz), перфекционизм (Perfektionismus) [Wörterbuch. Österreichisch-Deutsch, 1995]. В чем же своеобразие именно австрийского взгляда на нормально благоустроенную жизнь? Оно связано прежде всего с представлением о *Gemütlichkeit* [Нургалиев; Schmidt-Lauber, 2003, S. 143]. Само это понятие, по мнению исследователей, в свою очередь складывается из семи определений: «уют», «приветливость», «добродушие», «общительность», «спокойствие», «неторопливость», «уютность». Чтобы составить более точное представление об этом понятии, следует обратиться к его этимологии. Как свидетельствует «Этимологический словарь немецкого языка», концептуальная нагрузка заключена уже внутри самой лексемы *Gemüt* [EWD, S. 422], которая связана с представлением о внутреннем мире человека в целом в противоположность его материальной оболочке. Особый смысл неологизм (*Gemütlichkeit*) приобретает в XIX веке в эпоху бидермейера, когда *Gemüt* становится почти философским понятием. Картина мира эпохи бидермейера и его эстетические представления включают такие слагаемые, как тепло и уют, приветливость, спокойствие, которые призваны были содействовать возникновению чувства *Gemütlichkeit*. В дальнейшем это представление охватывает практически все стороны жизни и предполагает спокойствие, непринужденность, отсутствие навязчивых проблем. Как писал немецкий ученый О.-Ф. Больнов, «*Gemütlich* — это прежде всего поведение, при котором человек, отказываясь от активного проявления своих волевых качеств и активных действий как таковых, может предаваться релаксации и покою» / «*Gemütlich ist darum alles Verhalten, bei dem der Mensch die Anspannung des Willens und tätigen Handelns aufgeben und sich einer entspannenden Ruhe überlassen kann*» [Bollnow, 1994, S. 168]. То есть речь в данном случае может идти об «эмоциональном состоянии душевного и физического комфорта» / «*Gemütlichkeit ist ein emotionaler Zustand des Wohlbefindens und der Behaglichkeit*» [Schmidt-Lauber, 2003, S. 143]. Именно этой *Gemütlichkeit* будет так не хватать Клаудии Эрдахайм во время её путешествий по России 90-х годов, в которой не только квартиры, метро, транспорт, но сама атмосфера представляется сдвинутой, неудобной, жесткой, некомфортной.

3.2. Синтаксические и стилистические средства выражения субъективной модальности К. Эрдахайм в книге о России

Жанр этого произведения австрийской писательницы и путешественницы определить трудно. Перед нами художественно-документальная книга этюдов, своеобразных путевых заметок, рассказов путешествующего по России 90-х годов автора, объединенных стремлением почувствовать, ус-

лышать, понять менталитет Иного / Другого / Чужого. Клаудия Эрдхайм с перерывами прожила в России два года, а потому достаточно точно передает атмосферу страны 90-х со всеми её трудностями и абсурдностью. Это произведение австрийской писательницы служит ярким примером материализации в литературном произведении системы конкретной коллективной культуры, во многом определяющей симбиозом социальной ментальности и культурной памяти. На примере пяти рассказов, объединенных образом путешественника — автора-рассказчика, представлена рецепция инокультурного кода и его связи с представлением о специфике воплощения национального менталитета в чужой для автора культуре. Рассказ «Коля» повествует о некоей криминальной истории учителя музыки (игры на гитаре), у которого без его ведома один из учеников, представителей золотой молодёжи, продаёт квартиру; история «Стомкомплекс» повествует о садизме врача-непрофессионала в зубоврачебной клинике; «Петербург» представляет нам жизнь коммуналки, объединяющей в своих обшарпанных, неудобных, грязных стенах подчас несовместимых жильцов; в рассказе «Казань» описан быт большой семьи, ютящейся в жалкой малогабаритной «хрущёвке». И хотя каждый рассказ, каждый этюд имеет определенное тематическое и сюжетное завершение, но есть и сквозные, переходящие из истории в историю мотивы и персонажи. Так, последний рассказ «Осенние листья» описывает финансовый кризис 1998 года и отъезд автора на Родину. Проводы на вокзале собирают вместе почти всех героев прошлых рассказов, что должно было подвести читателя к выводу о том, что перед нами типичные истории типичных людей со всех концов необъятной России, а также констатировать общность ментальных особенностей жителей этой чужой, в чем-то абсурдной, иной реальности, связанных с гостеприимством, чувством солидарности, отзывчивости к чужому горю. События, люди, чужие эмоции и перипетии судьбы показаны через призму сознания человека, рожденного в другой / чужой земле. И главное заключается не в автобиографичности героя и документальности событий, а в точности и типичности описания путешествующим реалий, пусть и далеко не понятных повествователю, исторического процесса 90-х годов.

Как уже отмечалось, все истории получают логическое завершение и, тем не менее, связаны как с предшествующими, так и с последующими рассказами. Об этом свидетельствует даже простое перечисление частей, представляющих структуру каждого из рассказов: описание поезда, прибытие, описание вокзала, встреча, характеристика встречающих, знакомых, вернее: *«Petersburg: Alla hat leider einen Gast aus Spanien. So muß ich bei jemand anderen wohnen. Bei Ira, einer Freundin einer Freundin einer Freundin / Петербург: У Аллы гость из Испании. Поэтому я должна буду*

жить у кого-то другого. У Иры, одной подруги другой подруги этой подруги [Erdheim, 2000, S. 168]; *Kasan: Ich kann bei Bekanten von Bekanten von Bekanten wohnen* [Erdheim, 2000, S. 182—183] / Казань: Я могу остановиться у знакомого знакомого одного знакомого» (здесь и далее перевод наш. — Т. Ш., П. К., В. Е.).

Стиль австрийской писательницы Клаудии Эрдхайм лаконичен, краткие диалоги сменяются скупыми, но запоминающимися описаниями героев повествования и событий, разворачивающихся в новой России в конце двадцатого века. Рассказ «*Kolja*», как и другие рассказы сборника «*Früher war alles besser*», представляет собой наблюдение европейца за не вполне понятной жизнью «*komisches Volks*» — забавного / странного / чудного народа и за взаимоотношениями между людьми, которые автор определяет как «*merkwürdige russische Verhältnisse*» — странные / диковинные / удивительные / необычные русские взаимоотношения.

Отличительной особенностью стиля письма Клаудии Эрдхайм являются короткие предложения. В рассказах писательницы данное синтаксическое явление становится стилистическим приемом. Таким образом Клаудиа Эрдхайм пытается передать ограниченность, серость и безликость постсоветского периода, которому, по ощущениям и наблюдениям австрийской писательницы, не хватает красок, палитра которых в данном произведении, как и в жизни русских, по мнению писательницы, крайне скудна. Использование лаконичных кратких предложений — это намеренная попытка погрузить читателя в атмосферу того времени.

Слова о том, что «*раньше все было лучше*», вынесенные в заглавие всего сборника, проходят через все рассказы и звучат из уст многих героев повествования, несмотря на то, что все они считают себя, как пишет Эрдхайм, диссидентами в прошлой жизни или, как минимум, признают наличие свободы и отсутствие дефицита в настоящей жизни. Однако, противореча сами себе, подчеркивают, что при старой жизни *было не так уж и плохо и царил порядок* / *Es war gar nicht so schlecht. Da hat Ordnung geherrscht*. Герои рассказов в ностальгической манере, полной светлой грусти, делятся воспоминаниями об ушедших годах: «*Die Straßen waren immer sauber* / Улицы всегда были чистыми; *Mädchen haben überhaupt nicht geraucht früher* / Раньше девушки вообще не курили; *Früher waren hier Bänke. Da hat man sitzen können* / Раньше здесь были скамейки. Там можно было сидеть; *Die Moral war besser* / Мораль была лучше» [Erdheim, 2000, S. 33, 39, 46, 83]. В трудное переходное время данный ретроспективный взгляд в «светлое прошлое» является основной тенденцией, характерной для репрезентации образа России в рассказах К. Эрдхайм. Подобное поведение можно расценить как некую защитную реакцию людей, закрывающих гла-

за на происходящее вокруг них в данный постсоветский отрезок времени и демонстрирующих свое явно негативное отношение к описываемому историческому отрезку времени и ностальгию по ушедшему.

3.3. Цветовые предпочтения и оценочные прилагательные как средства выражения субъективной модальности в художественном тексте К. Эрдахайм

Повествование начинается в сентябре 1997 года в Москве в момент празднования 850-летия столицы. Но вместо ярких красок праздника читатель видит глазами автора другие цвета, да и само празднование, толпы людей на улицах сравниваются с днем похорон Сталина, когда в давке погибли люди.

В рассказе обращает на себя внимание использование небольшого числа оценочных прилагательных при описании, большинство из которых многократно повторяются в разных формах. Так, например, автор всегда мерзнет, и если в описаниях начала сентября используется прилагательное *«kalt / холодный»*, то к концу сентября погода уже характеризуется сложным прилагательным-интенсификатором *«saukalt / чертовски холодно»* [Erdheim, 2000, S. 31]. Кроме того, она неоднократно повторяет, что никак не может согреться: *«So kalt ist es. Ich kann mich gar nicht erwärmen / Так холодно. Я никак не могу согреться»*. Практически все используемые оценочные прилагательные имеют отрицательную коннотацию. Так, воздух в Москве *«so schlecht wie in keiner anderen Stadt / плохой как ни в одном другом городе»*, а в Люблино для характеристики воздуха автор также использует комбинацию из префикса-интенсификатора и превосходной степени прилагательного, получив таким образом усиление признака: воздух *«am allerschlechtesten in ganz Moskau / наихудший во всей Москве»* [Erdheim, 2000, S. 20]. Наряду с прилагательным *«schlecht / плохой»* автор активно использует негативное оценочное прилагательное *«dreckig / грязный»* и существительное *«Dreck / грязь»* для описания интерьеров квартир героев рассказа: *«dreckiges Bett, abgeschabtes dreckiges Sofa, dreckige Löffel, hunderjähriger Dreck / грязная кровать, обшарпанный грязный диван, грязные ложки, столетняя грязь на сувенирах»* — все вокруг автора повествования вызывает чувство брезгливости и дурноты, она сожалеет, что не взяла с собой в гости свою дорожную ложку [Erdheim, 2000, S. 15—16]. Как для отдельных предметов и явлений, негативное оценочное прилагательное *«dreckig / грязный»* характерно и в целом для описания Москвы. Если подняться на 22-й этаж МГУ, можно увидеть, что *«Dreck liegt über der Stadt / грязь лежит на всём городе»* [Erdheim, 2000, S. 28]. И вновь из уст героев рассказов слышим сожаления о том, что раньше было лучше и чище: *«So einen Dreck hat früher auch nicht auf der Straße / Такой грязи раньше никогда на улице не было»*.

Сама Москва и ее общественные места предстают также в унылом полуразрушенном виде. Дома характеризуются как «*schäbig*»: *schäbiges Gebäude* / потрёпанное, облезлое здание; *baufällig* / ветхий, *verfallen* / развалившийся, *stinkend* / вонючий, *kaput* / *niedrig* / сломанный / низкий. В суде, поликлинике, больнице «*abgeschlagene Kacheln* / отбитый, треснутый кафель; *abgeschlagene Wand* / треснутая стена, *kaputtetes billigstes Linoleum* / рваный самый дешевый линолеум» [Erdheim, 2000, S. 12, 58, 66]. Еда в больнице «*scheußlich* / отвратительная», как и чай практически везде, где автору его предлагают. Местами отсутствует освещение на улицах, что также передает удручающую угнетающую обстановку: «*Es gibt fast keine Straßenbeleuchtung* / Почти веде отсутствует уличное освещение» [Erdheim, 2000].

На фоне тусклой и грязной Москвы подчёркнутым великолепием и величественностью отличается описание станций метро, на которых оказывается автор: «*Hier wird die Geschichte der Rus in Mosaiken fortgesetzt* / История Руси здесь продолжается в мозаике; «*Die Station mit kostbarsten Steinen*» / Станция, оформленная самым дорогим камнем; «*Diese gigantische Partisanengruppe in der Belorusskaja*» / Этот гигантский отряд партизан на Белорусской; «*...plötzlich ist man in einer gotischen Kathedrale*» / ...вдруг оказывается в готическом соборе; «*Ästhetischer Genuß*» / эстетическое наслаждение; «*Cremfarbe Säulen aus Mramor mit einem weißen sich wie ein Blütenblatt auflösender Abschluß*» / Колонны кремового цвета из мрамора с белым, распускающимся, как лепесток, завершением [Erdheim, 2000, S. 22, 34, 38].

Особый интерес представляют языковые средства цветообозначения. С первых строк атмосфера уныния и разрухи подчеркивается мрачными темными цветами, черный цвет (и серый как его вариант) проходит через все повествование. Основная масса людей носит темную неброскую одежду: «*schwarze Lederjacke, schwarzer Ledermantel, Hemd mit einem schwarzen Kragen und schwarzen Manschetten, alte graue Stoffhose, schwarze Jeans, schwarzes T-Schirt, schwarzer Glockenrock*» / черная кожаная куртка, черное кожаное пальто, рубашка с черным воротником и черными манжетами, старые брюки из серой ткани, черные джинсы, черная футболка, черная юбка-колокол [Erdheim, 2000, S. 7, 12, 15], даже пластиковые пакеты черные. Одна из героинь, Валя, встречает автора в своем лучшем платье, и оно также «*grau mit schwarzen Streifen* / серое с черными полосками». Если в одежде москвичей и появляются редкие вкрапления другого цвета, то они либо заглушаются черным или темным «*schwarzblau, dunkelblau, dunkelgrün, mittelbraun*» / черно-синий, темно-синий, темно-зеленый, светло-коричневый, либо цвет трудно определим из-за грязи, которая повсюду, в том числе в оттенках цветов «*schmutzfarbener Pullover, schmutziggbraunes Hotel*» / грязный свитер, грязно-коричневый отель. Милиционеры на ули-

цах также все в сером: *«graue Daunenjacken mit grauen Webpelzkragen»* / серые пуховики с серым воротником из искусственного меха. В интерьерах квартир также преобладают темные цвета на основе коричневого и серого: *«dunkelbraune Möbel / тёмно-коричневая мебель* (автор подчеркивает, что такая мебель везде), *grauer Teppichboden / серое ковровое покрытие*. Даже грязь на плите *«tiefbrauner Dreck»*. Если вдруг в интерьере появляются светло-коричневые оттенки *«hellbraune Couch / светло-коричневый диван»* это повод для автора назвать его уютным. Женщины красят волосы в основном в красно-коричневый цвет *«braunrote Haare»*, некоторые ходят с волосами, обесцвеченными перекисью водорода *«wasserstoffgefärbte Haare»*, обе эти крайности кажутся автору странными. Сама она многократно подчеркивает, что носит седые неокрашенные волосы, это даже позволяет ей, как пенсионерке, бесплатно ездить в общественном транспорте несмотря на то, что ей 52 года и она иностранка: кондукторы очень часто не спрашивают проездные документы. Любопытная деталь, вполне укладывающаяся в такую черту соседствующих немецкоязычных народов, как бережливость (*Sparsamkeit*) [*Wörterbuch. Österreichisch-Deutsch, 1995*]. На фоне этого однообразия выделяются станции метро, которые *«pikobello sauber»*, некоторые станции голубого или синего цвета, служащие носят светло-голубые блузы и красные береты.

Несмотря на внешнее уныние и подчеркнута бедную (*ärmlich gekleidet*) жизнь (а может именно по этой причине), русские люди очень любят праздники, в особенности дни рождения. Они дарят, с точки зрения австрийца, *«riesige Geschenke zum Geburtstag / огромные подарки на день рождения»* и любят цветы: *«alle Russen lieben Blumen / все русские любят цветы»*. Прилагательное *«glücklich / счастливый»* встречается в рассказе «Коля» всего дважды и описывает душевное состояние одной из героинь не в момент какого-то праздника, а в связи с удачной покупкой свежих карпов, что лишь подчеркивает общее состояние неудовлетворенности и неустроенности жизни.

Отдельно необходимо отметить использование автором культурно-маркированной лексики. Ряд лексических единиц, служащих для обозначения русских реалий, особенно связанных со стереотипами представлений о русских и реалиях российской жизни, и в принципе имеющих эквиваленты в немецком языке, переданы методом калькирования. Можно предположить, что автор использует данный прием для более глубокого погружения читателя в российскую действительность, хотя немецкие эквиваленты позволили бы читателям, малознакомым с русской культурой, точнее понять значение данных объектов действительности. Так, писатель использует слова *«Pensionerka»* вместо *«Rentnerin»*,

«*Kommunalka*» вместо «*Gemeinschaftswohnung*», «*Bulotschki*» вместо «*Semmel*», «*Piroggen*» вместо «*Buchtel*», «*Bomschi*» вместо «*Obdachlose*», «*Warenje* (Himbeerwarenje)» вместо «*Konfitüre*», «*Kascha*» вместо «*Brei*», «*Elektrischka*» вместо «*S-Bahn*», «*Walenki*» вместо «*Filzschuhe*», «*Diwan*» вместо «*Sofa*», «*Myschjak*» вместо «*Arsen*», «*Baba*» вместо «*Frau*» / «*Weib*», «*Russkoje Bistro*» вместо «*Russisches Bistro*», «*uliza*» вместо «*Straße*». Объяснение этих «экзотических» слов, придающих особый «русский» колорит предлагаемым историям, К. Эрдхайм даёт в глоссарии, который располагается автором в конце повествования.

4. Заключение = Conclusions

Проблема русско-австрийского культурного диалога реализуется, как мы видим, в первую очередь, сквозь призму субъективного восприятия австрийским сознанием. В связи с этим антиномия западного образа мышления и российского менталитета является превалирующим мотивом в книге рассказов. Об этом свидетельствуют поразившие автора, очевидца происходящего, документальные зарисовки сцен уличной жизни, фрагментарно вкрапленные в сюжетную канву рассказов и выделенные писателем графически.

Книга К. Эрдхайм представляет собой развёрнутое впечатление о русской национальной идентичности путем репрезентации удивительных историй о России и простых людях, сочетающих в себе трудно сопоставимые и парадоксальные вещи: горести лишений и дружелюбная, местами наивная, открытость; маленькие трагедии повседневности и добродушное светлое радушие, бескорыстная готовность прийти на помощь.

Представления о России отражают во многом реакции-штампы сознания рассказчика, что в свою очередь помогает понять феномен «австрийскости», проявляющийся в поэтологических доминантах исследуемого произведения. Тем не менее книга К. Эрдхайм является ярким примером репрезентации «Другим» / «Чужим» представлений об «Ином» национальном характере и воссоздает в своей художественной системе в совокупности образ русского народа.

Источники и принятые сокращения

1. *Erdheim C. Früher war alles besser. Geschichte aus Rußland* / C. Erdheim. — Wien : Löcker, 2000. — 252 S. — ISBN 3-85409-332-2.
2. EWD — *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen* / W. Pfeifer (ed.). — München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 2005. — 422 S. ISBN-13: 9783423325110.

Литература

1. Бех В. П. Содержание социального мира / В. П. Бех // Нова парадігма. Запоріжжя. — 1997. — Вип. 4. — С. 10—20.

2. Ваулина С. С. Авторская модальность как текстообразующая категория (к постановке проблемы) / С. С. Ваулина, О. В. Девина // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. — 2010. — Вып. 8. — С. 13—21.

3. Ваулина С. С. Модальность как коммуникативная категория : некоторые дискуссионные аспекты исследования / С. С. Ваулина. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — 2013. — Выпуск 8. — С. 7—12.

4. Гаспаров Б. М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. — Москва : Новое литературное обозрение, 1996. — 352 с. — ISBN 5-86793-020-3.

5. История ментальностей, историческая антропология : зарубежные исследования в обзорах и рефератах. — Москва : РГГУ, 1996. — 255 с.

6. Менассе Р. Страна без свойств : эссе об австрийском самосознании / Р. Менассе ; пер. А. Белобратова, при участии З. Мардановой. — Санкт-Петербург : Петербург — XXI век, Симпозиум, 1999. — 109 с.

7. Нургалиев В. Основные концепты австрийского ментального мира [Электронный ресурс] / В. Нургалиев. — Часть I. — Режим доступа : <https://www.russianvienna.com/pravy-i-obychai/4509-osnovnye-kontsepty-avstrijskogo-mentalnogo-mira-chast-i> (дата обращения 11.11.2021).

8. Пантин И. К. Национальный менталитет и история России / И. К. Пантин // Российская ментальность. Вопросы философии. — 1994. — № 1. — С. 29—33.

9. Стратийчук Е. Ю. Персональность как текстообразующая категория художественного текста : на материале русского и английского языков : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Е. Ю. Стратийчук. — Ростов-на-Дону, 2006. — 23 с.

10. Трофимова И. А. Средства выражения субъективной модальности в художественном тексте (на материале прозаических произведений А. П. Чехова) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / И. А. Трофимова. — Калининград, 2004. — 24 с.

11. *Философская* энциклопедия. В 5 т. — Москва : Советская энциклопедия, 1970. — Т. 5. — С. 575.

12. Якимец Н. В. Категория авторской модальности в функциональном аспекте (на материале «Театрального романа» М. А. Булгакова) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Н. В. Якимец. — Нижний Новгород, 1999. — 23 с.

13. Bollnow O.-F. Mensch und Raum / O.-F. Bollnow. — Stuttgart : Kohlhammer, 1963. — 310 S.

14. *Die Österreichisch-Ungarische Monarchie in Wort und Bild*. Aus dem Kronprinzenwerk des Erzherzogs Rudolf / Asegewahlt von Christiane Zintzen. — Wien — Koln — Weimar : [b. i.], 1999. — 920 S.

15. Dinzeltbacher P. Europäische Mentalitätsgeschichte : Hauptthemen in Einzeldarstellungen / P. Dinzeltbacher. — Stuttgart : Alfred Kroner Verlag, 1993. — 663 S.

16. Eichhorn H. Terrassenraum, Seeblick, Mowenflug / H. Eichhorn // *Über Österreich zu schreiben ist schwer. Österreichische Schriftsteller über Literatur — Heimat — Politik* / Hrsg. V. Gerald Leitner. — Salzburg und Wien : Residenz Verlag, 2000. — 251 S.

17. Gollner H. *Literatur : österreichische Literatur der 2. Republik : Materialien zur österreichischen Landeskunde für den Unterricht aus Deutsch als Fremdsprache*. — Wien : Bundesministerium für Unterricht, Kunst und Kultur, 1999. — Bd. 12. — 836 S.

18. Schmidt-Lauber B. Gemütlichkeit. Eine kulturwissenschaftliche Annäherung / B. Schmidt-Lauber. — Frankfurt am Main : Campus Verlag, 2003. — 257 S.

19. *Wörterbuch*. Österreichisch-Deutsch. Zusammengestellt von Astrid Wintersberger unter beratender Mitarbeit von H. C. Artmann. — Salzburg und Wien : Residenz Verlag, 1995. — 96 S.

Material resources

Erdheim, C. (2000). *Früher war alles besser. Geschichte aus Rußland*. Wien: Löcker. 252 S. ISBN 3-85409-332-2. (In Germ.).

References

Bekh, V. P. (1997). The content of the social world. *Nova paradigma. Constipation*, 4: 10—20. (In Russ.).

Bollnow, O.-F. (1963). *Mensch und Raum*. Stuttgart: Kohlhammer. 310 S. (In Germ.).

Die Österreichisch-Ungarische Monarchie in Wort und Bild. Aus dem Kronprinzenwerk des Erzherzogs Rudolf. (1999). Wien — Köln — Weimar: [b. i.]. 920 S. (In Germ.).

Dinzelbacher, P. (1993). *Europäische Mentalitätsgeschichte: Hauptthemen in Einzeldarstellungen*. Stuttgart: Alfred Kroner Verlag. 663 S. (In Germ.).

Eichhorn, H. (2000). Terrassenraum, Seeblick, Mowenflug. In: *Über Österreich zu schreiben ist schwer. Österreichische Schriftsteller über Literatur — Heimat — Politik*. Salzburg und Wien: Residenz Verlag. 251 S. (In Germ.).

Gasparov, B. M. (1996). *Language. Memory. Image. Linguistics of linguistic existence*. Moscow: New Literary Review. 352 p. ISBN 5-86793-020-3. (In Russ.).

Gollner, H. (1999). *Literatur: österreichische Literatur der 2. Republik. Materialien zur österreichischen Landeskunde für den Unterricht aus Deutsch als Fremdsprache*, 12. Wien: Bundesministerium für Unterricht, Kunst und Kultur. 836 S. (In Germ.).

History of mentalities, historical anthropology: Foreign studies in reviews and abstracts. (1996). Moscow: RSUH. 255 p. (In Russ.).

Ménasse, R. (1999). *A country without properties: An essay on Austrian self-consciousness*. St. Petersburg: “Petersburg — XXI century”, “Symposium”. 109 p. (In Russ.).

Nurgaliev, V. *The main concepts of the Austrian mental world, I*. Available at: <https://www.russianvienna.com/nravy-i-obychai/4509-osnovnye-kontsepty-avstrijskogo-mentalnogo-mira-chast-i> (accessed 11.11.2021). (In Russ.).

Pantin, I. K. (1994). National mentality and history of Russia. *Russian mentality. Questions of philosophy*, 1: 29—33. (In Russ.).

Pfeifer, W. (ed.) (2005). *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag. 422 S. (In Germ.).

Philosophical Encyclopedia: In 5 volumes, 5. (1970). Moscow: Soviet Encyclopedia. P. 575. (In Russ.).

Schmidt-Lauber, B. (2003). *Gemütlichkeit. Eine kulturwissenschaftliche Annäherung*. Frankfurt am Main: Campus Verlag. 257 S. (In Germ.).

Stratiychuk, E. Y. (2006). *Personality as a text-forming category of a literary text: based on the material of the Russian and English languages*. Author’s abstract of PhD Diss. Rostov-on-Don. 23 p. (In Russ.).

Trofimova, I. A. (2004). *Means of expressing subjective modality in a literary text (based on the material of prose works by A. P. Chekhov)*. Author’s abstract of PhD Diss. Kaliningrad. 24 p. (In Russ.).

- Vaulina, S. S. (2013). Modality as a communicative category: some controversial aspects of research. *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant*, 8: 7—12. (In Russ.).
- Vaulina, S. S., Devina, O. V. (2010). The author's modality as a text-forming category (to the formulation of the problem). *Bulletin of the I. Kant Russian State University*, 8: 13—21. (In Russ.).
- Yakimets, N. V. (1999). *The category of the author's modality in the functional aspect (based on the material of the "Theatrical Novel" by M. A. Bulgakov)*. Author's abstract of PhD Diss. Nizhny Novgorod. 23 p. (In Russ.).
- Worterbuch. Österreichisch-Deutsch.* (1995). Salzburg und Wien: Residenz Verlag. 96 S. (In Germ.).

Статья поступила в редакцию 17.12.2021,
одобрена после рецензирования 16.02.2022,
подготовлена к публикации 12.03.2022.